

КАК ЛОРЕНЦО ЛОТТО ВЕРНУЛСЯ В ЭРМИТАЖ

“Семейный портрет” Лоренцо Лотто – картина, полная загадок. Есть много толкований ее символики и значения слов “НОМО NUNQUAM” (человек– никогда), написанных на листе бумаги, который мужчина держит в руках¹. Одно из последних объяснений, объединяющее многие прежние, предполагает, что перед нами портрет мужа и его недавно скончавшейся супруги. Смысл всех символических элементов в том, что, в отличие от животных (персонажи картины держат белку и собачку) он никогда не перестанет остро переживать утрату.

Есть у картины и другая загадка. В каталоге большой выставки Лотто 1998 г. история полотна звучит следующим образом: до 1924 г. – в Гатчине, в 1929 г. продано на аукционе Лепке в Берлине, следующее место – Государственный Эрмитаж².

Всем известно, что картина находится в Эрмитаже. История ее путешествия в Берлин не совсем ясна, но отдельные моменты его отражены в некоторых характерных документах Архива Эрмитажа, которые не только содержат интересную информацию, но и воссоздают реальную атмосферу эпохи первых эрмитажных продаж. Она куда сложнее, чем обычно представлено в публицистических статьях и книгах, касающихся проблемы³.

Вот документ из Архива Эрмитажа⁴.

Протокол № 4

Заседания Комиссии по Экспорту
25.1.1929.

Председатель – С.Н. Тройницкий
Члены – А. А. Ильин, А.А. Автономов.
Ученый Секретарь – М. Д. Философов

1. Слушали Журнал Особого Совещания Отдела Картинной Галереи Государственного Эрмитажа от 24.1.1929 г. со списком выделенных для экспорта семи картин.

2. Слушали сообщение Председателя о созыве Комиссии в срочном порядке, согласно устного предписания Директора. Постановили – После осмотра вышеперечисленных картин,

считать возможным выделение в экспорт четырех картин, а именно:

1. Л. Лотто – Портрет супругов № 1963
2. П. Бордоне – Портрет молодого человека № 2364
3. Я. Бассано – Портрет Контарини № 7153
4. Л. Кранах – Портрет Фридриха Мудрого № 3461

Вопрос об остальных трех картинах оставить открытым до получения дополнительных данных.

Председатель *(подпись)* /Тройницкий/

Члены *(подпись)* /Ильин/
 (подпись) /Автономов/

Ученый секретарь *(подпись)* /Философов/

Далее в деле следуют: Выписка из Журнала № 15 Заседания Правления Государственного Эрмитажа от 25.01.29 о “неимении препятствий к выделению в Госторг выделенных Картинной галереей 4-х картин; список (“IV группа предметов, выделенных Государственным Эрмитажем для экспорта”); Акт от 25 января 1929 г. о передаче Д. А. Шмидтом четырех картин М. Д. Философову и С. Н. Тройницкому, как Уполномоченному НКП по Государственному Эрмитажу по отбору памятников искусства и старины для экспорта; Акт от того же 25 января 1929 г. о передаче М. Д. Философовым и С. Н. Тройницким все тех же четырех картин сотруднику Госторга З. М. Храповскому; Акт об оценке этих четырех картин членами Оценочно-экспертной комиссии Наркомпроса при Ленинградгосторге (Лотто 200 000 руб., Парис Бордоне – 35 000 руб., Якопо Бассано 40 000 руб., Кранах 40 000 руб.); Рукописный протокол Особого Совещания Картинной галереи от 24 января 1929 г. где картине Лотто “из Гатчинского дворца-музея” дана совсем другая оценка – 30 000 руб.

В каталоге художественного аукциона Лепке в Берлине к торгам 4–5 июня 1929 г. картина Лотто фигурирует под номером 102: «“Лоренцо Лотто”. Портрет супругов. Холст, 98x118 см. Приводится в описании Эрмитажа 1859 г. В “Старых Годах” январь/февраль 1915 г. упоминается как находящийся в Гатчинском дворце». На отдельном листе помещена черно-белая репродукция картины⁵. В эрмитажном экземпляре каталога есть вклейки, на которых приведены

дополнительные сведения и замечания разных экспертов (видимо, рукой В. Ф. Левинсона-Лессинга). По поводу этой картины можно прочитать следующее:

Инвентарный номер – 2129 (не совпадает с номером в протоколе);

Оценка “Антиквариата” в рублях – 200 000;

Лимиты, установленные фирмой Лепке до приезда экспертов “Антиквариата”. В марках. - 200 000;

Окончательные лимиты, установленные между 2.V – 2.VI в марках – 350 000.

Атрибуция и оценка Фридендера и Фосса: “*Фосс: 100 000 – 200 000 мк прекрасная картина*”.

Заключение экспертов Торгпредства и “Антиквариата” представл. на усмотрение т. Гинзбурга: “*прекрасная музейная вещь. Аналогичной на рынке нет*”.

Германские газеты много писали о предстоящем аукционе тем более, что произошел скандал. Русские иммигранты попытались объявить торги незаконными. Картина Лотто всеми признавалась главным призом аукциона, ее воспроизводили в печати.

После аукциона о ней писали как о самом дорогом из проданных лотов. Называлась сумма в 310000 марок. В эрмитажном экземпляре каталога красным карандашом указана цена 305000 . В качестве покупателя газеты несколько раз называют некоего торговца картинами из Парижа ⁶.

Аукционы Лепке были в целом неудачны с коммерческой точки зрения. Эта неудача давала возможность критиковать их и более развернуто. В Архиве Эрмитажа хранятся письма С. П. Яремича и служебные записки В. Ф. Левинсона-Лессинга, в которых они, волей судьбы и положения вовлеченные на вторых ролях в процесс отбора и оценки вещей для аукционов, стремились показать бездарность их организации, неизбежную неприбыльность и тот вред, который плохая их организация наносит коллекциям Эрмитажа и делу просвещения ⁷.

В. Ф. Левинсон-Лессинг писал, что в результате беспомощности руководителей Госторга и Антиквариата возникает опасность “разбазаривания нашего культурного наследия”. “Наши ресурсы очень ограничены, вопреки наивным представлением незнакомых с делом людей, которым мерещатся горы золота”⁸. Хорошо зная мировой художественный рынок он старался объяснить, что картины уходят за бесценок, особо подчеркивая, что все растущее внимание советских торговцев к Эрмитажу не просто опасно для музеев и культуры. Пытаясь говорить на языке, понятном людям, ошалевшим от якобы

выгодных перспектив, он писал: “Продажа нескольких известных на весь мир картин из Эрмитажной галереи в очень значительной степени обесценивает весь тот товар, который имеется в распоряжении Антиквариата и ставит его реализацию в максимально ухудшенные условия. Возможность продажи нескольких предметов крупнейшего значения по выбору покупателя полностью отдает инициативу в руки последнего. С этого момента “Антиквариат” полностью переходит в положение приказчика капиталистического хозяина, который не только дает определенные заказы, но и диктует цены”⁹. Он прозорливо писал о политике “бойкота нашего товара, которая проводится в настоящее время в целях понижения цен и выкачивания наиболее ценного имущества”¹⁰.

Переходя к более высоким материям, он объяснял, что “в создавшихся условиях невозможна какая бы то ни было нормальная музейная работа. Выхватывание отдельных объектов без учета последствий, исходящее из обывательски наивного представления о “достаточно большом количестве предметов в музеях” приводит только к разрушению коллекций, к превращению их из научно систематизированных собраний в случайные нагромождения, лишенные внутренней связи. В таких условиях единственно рациональным выходом явилась бы ликвидация этих музеев. Поскольку этот вопрос не поставлен в порядок дня необходимо радикально пересмотреть порядок выделения”¹¹.

Объявляя о своем отказе от дальнейшего сотрудничества, В. Ф. Левинсон-Лессинг, употребляя жаргон эпохи, дает точную оценку происходящего, утверждая, что при продолжении работы в таком стиле она неизбежно превратится в явное “вредительство”¹².

С. П. Яремич в письмах 1929 г. в “Антиквариат”, пытаясь ограничить своеволие агентов “Антиквариата”, а особенно их партнеров из западных фирм, подчеркивал грядущую опасность: “В данный момент антиквары игнорируют даже наши высококачественные отборы и в их действиях ясно наметилась тенденция диктовать свои условия. Не есть ли это результат грандиозной “вязки”. Возможно, что иностранные антиквары объединились, чтобы использовать наши затруднения и принудить нас на любые уступки. Это на то похоже”¹³.

Яремич упоминает и картину Лотто как имеющую “большое историко-художественное значение” и “абсолютную материальную ценность”. Обсуждая неудачу аукциона 4–5 июня 1929 г., он пишет о том, что оценки этих и других картин следовало сохранить такими,

какие предлагали эксперты в России. В другом письме он опять пишет о том, что оценки российских экспертов, которые поздно приехали в Берлин, не были учтены. “Другое дело, если бы мы появились здесь месяц тому назад, и я не один, а Шмидт и Левинсон-Лессинг, тогда, несомненно, можно было бы защитить некоторые вещи. Тем более, что материал прекрасный и есть настоящие высоты, например, Лоренцо Лотто (портр. муж. и жен.)¹⁴”.

Цены, кажется, действительно разошлись, но главное в том, что Лотто никуда не делся.

АКТ

14 декабря 1931 г. составлен настоящий акт в том, что с 6го по 14 декабря 31 г. произведено было вскрытие 56 ящиков, прибывших из Германии с вещами “АНТИКВАРИАТА”. При вскрытии были обнаружены повреждения указанные в соответствующих местах описи.

Все означенные вещи, за исключением 14 пор. номеров взятых Антиквариатом: 12,13, 14, 15, 38, 39, 40, 55, 105, 107, 109, 112, 113, 117, приняты на хранение в Государственный Эрмитаж – Директором Эрмитажа ЛЕГРАНОМ и Зав. Сектором Запада ЛИЛОВОЙ и сданы представителями “Антиквариата” членом Правления Э.О. БОГНАРОМ и старшим Хранителем ДАРЬЯНОВСКИМ.

При вскрытии присутствовали: сотрудник Эрмитажа ЗАХАРЬЕНКО и сотрудник “АНТИКВАРИАТА” ДАРЬЯНОВСКИЙ

Под номером 119 в ящике 15 а назван – ЛОТТО. Портрет супругов. Кстати, под номером 118 стоит – Рембрандт, Портрет старухи¹⁵.

АКТ

29 сентября 1932 г. мы, нижеподписавшиеся, Ученый секретарь Государственного Эрмитажа КИСЛИЦЫН И. А. и сотрудник В/О АНТИКВАРИАТ т. ДАРЬЯНОВСКИЙ составили настоящий акт в том, что на основании приказа Облфо от 1 Августа с.г. за №3593, АНТИКВАРИАТ закрепил за Эрмитажем, находившиеся за Эрмитажем на ответственном хранении нижеперечисленные предметы и картины в количестве 105 номеров – 110 предметов.

Под № 11 с инвентарным номером 2129 и номером по акту

приемки 119 стоит - Лоренцо Лотто. Портрет супругов. Сразу за ним – 2333 – Рембрандт. Старуха с библией¹⁶.

Круг замкнулся.

Остается найти сведения о том, что же произошло на самом деле. Вариантов много: покупатель мог не выкупить лот, но и аукционная фирма могла объявить о продаже, которой не было, чтобы скрасить впечатление от неудачного аукциона. Все могло быть...

Я благодарен С. Н. Всеволожской, Е. Ю. Соломаха, И. С. Артемьевой, Т. И. Загребинной за помощь в поиске материалов по истории этой и других эрмитажных продаж.

¹ Западноевропейская живопись//Каталог [том] 1. Л., 1976. С. 108., № 1447; Собрание западноевропейской живописи // Каталог. Т. Д. Фомичева. Венецианская живопись XIV–XVIII вв. [СПб.], 1992. С. 196–197, № 146.

² M. Lucco в: Lorenzo Lotto. Rediscovered Master of the Renaissance. National Gallery of Art, Washington, Yale University Press, 1998. P. 148–151, № 25.

³ В книжке Ю.Н. Жукова "Операция Эрмитаж" (М., 1993). в частности, сказано: "...ушли к новым, частным владельцам "Портрет супружеской пары" Лоренцо Лотто. ...".

⁴ Архив ГЭ, ф. 1. д. 856.

⁵ Kunstwerke aus den Beständen Leningrader Museen und Schloesser. 2 Teil. Versteigerung am 4. und 5. Juni 1929. Rudolph Lepkes's Kunst- Auctions- Haus. Berlin. S. 27.

⁶ Вырезки из германских газет были собраны С. П. Яремичем (Архив ГЭ, ф. 1. оп. 5. д. 1037). О том, что картина Лотто ушла в Париж, писали "Berliner Borse Zeitung" (5.06.29) и "Acht Uhr Abendblatt" (5.06.29); "Hannoverscher Kurir" (11.06.29) называла покупателя – Popoff-Paris, а "Hamburger Fremdenblatt" (07.06.29) сообщала, что картину купила берлинская фирма.

⁷ Эти материалы готовит к печати Е. Ю. Соломаха.

⁸ В. Ф. Левинсон-Лессинг. Черновой автограф записки "Об основных недостатках в работе оценочно-экспертной комиссии Паркомпроса при Ленинградском отделении Главной конторы "Антиквариат" и мерах по их устранению" (Архив ГЭ, фонд Левинсона-Лессинга).

⁹ В. Ф. Левинсон-Лессинг, записка "В штаб бригады по учету и выделению музейных ценностей экспортного значения" (Архив ГЭ, фонд Левинсона-Лессинга).

¹⁰ Там же.

¹¹ В. Ф. Левинсон-Лессинг. "Об основных недостатках...".

¹² Там же.

¹³ С. П. Яремич. Записка "Об отношении иностранных антикваров к нашим ценностям" (Архив ГЭ, фонд С. П. Яремича).

¹⁴ С. П. Яремич. Письмо к Фридриху Эдуардовичу [Криммеру]. Берлин, 18.04. [1929].

¹⁵ Архив ГЭ, ф.1, оп. 5, д. 1201.

¹⁶ Там же, д. 1203.